

DOI 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-102-125

УДК 39(=512.157)

О. В. Васильева

Институт гуманитарных наук и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9992-4163
E-mail: ovasileva.igi@mail.ru

А. И. Яковлев

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова,
Институт гуманитарных наук и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3233-780x
E-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Взаимоотношения человека и собаки в культуре якутов: этнографические наблюдения прошлого и современная повседневность села*

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются отношения человека и собаки в контексте якутской культуры. Авторы делают попытку рассмотреть их, принимая во внимание разные аспекты — время, пространство, специфику коммуникации — для выявления особенностей организации якутского общества, а также историко-культурной динамики его развития. Материалом для анализа служат опубликованные фольклорные и этнографические материалы двух предыдущих столетий, а также современные сведения, зафиксированные авторами статьи в 2013–2022 гг. в ходе полевых исследований в разных районах Якутии. Взаимодействие человека с собакой составляет богатый пласт культуры якутов (саха): от ритуальных практик и антропонимикона до выстраивания ментальных границ между этнолокальными группами якутов. По этнографическим материалам двух прошедших столетий мы видим, что в ритуальных практиках якутов образ собаки имел защитную функцию не только потому, что собака выполняла роль охранника. Отношение к этому животному было презрительное. В ходе исследования высвечиваются особенности отношения к собакам двух этнолокальных групп якутов. Трансформации, связанные с вытеснением образов и смыслов древних охотничьих культур, происходили по мере снижения значения собаки в хозяйственной жизни человека. Речь идет о переходе к скотоводческому хозяйству, а также о распространении новых технологий — охотничьего оружия и инвентаря. Сформировалось общее смысловое ядро, которое и в настоящее время очевидно по практикам взаимодействия якутов с собаками. Это проявляется на уровне сосуществования в пространстве, в правилах содержания собак, охотничьей деятельности.

* Работа выполнена с использованием научного оборудования Центра коллективного пользования Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения РАН» № 13.ЦКП.21.0016.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :

собака, повседневность, Якутия,
этническая культура, пространство,
идентичность, село

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я : Васильева О. В.,
Яковлев А. И. Взаимоотношения человека и
собаки в культуре якутов: этнографические
наблюдения прошлого и современная
повседневность села. *Этнография*. 2023. 4 (22):
102–125. doi 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-102-125

O. Vasileva

Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9992-4163
E-mail: ovasileva.igi@mail.ru

A. Yakovlev

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3233-780x
E-mail: aytalyakovlev@mail.ru

The Human-Dog Relationship in the Yakut Culture: Ethnographic Observations of the Past and the Everyday Life of Modern Village

ABSTRACT. The article examines the relationship between man and dog in the context of the Yakut culture. The authors attempt to consider it from the point of view of time, space, and communication to identify specific features of the Yakut society and its historical and cultural dynamics. The study draws on the published folklore and ethnographic materials of the previous two centuries, as well as modern information recorded by the authors in 2013–2022 during field research in different regions of Yakutia. The interaction of a person with a dog manifests itself richly in the Yakut (Sakha) culture, including ritual practices, anthroponymy, and the perceived boundaries between local ethnic groups of the Yakuts. According to the ethnographic materials of the past two centuries, the image of a dog had a protective function in the ritual practices of the Yakuts, because the dog played the role of a guard but also because the attitude towards this animal was contemptuous. The study highlights the attitudes towards dogs by two local ethnic groups of the Yakuts. Transformations associated with the displacement of images and meanings of ancient hunting cultures occurred as the dog's importance in a person's economic life decreased. We are talking about the transition to livestock farming and the dissemination of new technologies — hunting weapons and equipment. A common semantic core has formed through the interaction between the Yakuts and dogs. This core is evident today and manifests itself in the types of spatial coexistence, the rules for keeping dogs, and hunting activities.

KEY WORDS: dog, everyday
life, Yakutia, ethnic culture,
space, identity, village

FOR CITATION: Vasileva O., Yakovlev A.
The Human-Dog Relationship in the Yakut
Culture: Ethnographic Observations of the
Past and the Everyday Life of Modern Village.
Etnografia. 2023. 4 (22): 102–125. (In Russian).
doi 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-102-125

ВВЕДЕНИЕ

Содержание домашнего животного, собаки в частности, в силу распространенности и массовости этого явления можно отнести к сфере повседневности. Эта практика имеет очень длительную историю и не знает каких-либо этнических или классовых ограничений. Вместе с тем она допускает особенности в способах организации взаимодействия человека и животного. Набор этих способов для разных сообществ определяется имплицитными моделями, продиктованными культурой, которые могут быть понятны через практику содержания и использования животных. Несмотря на кажущуюся произвольность в выборе способов взаимодействия с животными, они все же являются социально обусловленными и укорененными в культуре и в силу этого представляют научный интерес для антропологии и социологии в контексте понимания способов организации разных сообществ. В данной статье речь пойдет о значении собаки для якутского общества.

Необходимо отметить, что домашние и дикие животные всегда влияли и до сих пор влияют на жизнь человека в Сибири. Без одомашненной собаки невозможно представить адаптацию человека к суровой природной среде Якутии. Важным аспектом здесь выступает то, что собака не является только пассивным объектом и инструментом человека, она и сама оказывает воздействие на человека. Этот постулат, акцентируя внимание на активной роли животного, меняет представление о повседневной жизни как среде, где живет только человек с человеком и где человек окружен вещами человека.

Повседневность — это мир, в котором человек коммуницирует не только с людьми, но и с другими акторами — животными (Давыдов 2017; Davydov, Klokov 2018). Обращение к сфере взаимодействия человека и животного в данном случае позволит нам не только зафиксировать некие особенности организации якутского общества, но также продемонстрирует специфику его историко-культурной динамики. Целью исследования является изучение отношений человека и собаки в контексте якутской культуры.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И СОБАКИ В ЯКУТИИ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ РАБОТАХ

Первые наблюдения за отношениями коренных жителей Сибири с животными и окружающим ландшафтом содержатся в материалах исследователей и путешественников XIX в. Упоминания о быте коренных народов, населяющих Якутию, в том числе о взаимодействии человека с собакой и ее месте в хозяйстве, мы можем обнаружить в опубликованных материалах полевых исследований А. Ф. Миддендорфа, Р. К. Маака, В. Л. Серошевского, О. Н. Бетлингка.

Например, у В. Л. Серошевского в его труде «Якуты» имеется отдельный раздел, посвященный собаке. Он отмечает, что связь человека и собаки очень слабая и носит весьма древний характер, идущий, по его мнению, с самого начала их взаимного знакомства. По его наблюдениям, летом якутская собака мало живет дома, она рыщет по окрестностям, отыскивая добычу. Лишь в самые сильные стужи якуты позволяют собакам все время проводить в избах. Якутская собака не свирепа, чрезвычайно редко кусает людей, легко робеет и охотно слушается приказаний, если, конечно, их понимает (Серошевский 1993: 141–146).

Однако надо отметить, что функциональное назначение собаки значительно отличается в разных местностях Якутии. В. Л. Серошевский, проводя исследования в центральной и северной частях Якутии, сообщает о сторожевых, промысловых собаках, которых относит непосредственно к якутским, а также о ездовых собаках, распространенных в северных районах Якутии, которых называет приморскими. Р. К. Маак, анализируя быт якутов Вилюйского округа (западная Якутия характеризуется таежным ландшафтом), указывает, что якуты держат собак исключительно для охоты (Маак 1994: 286). Таким образом, в зависимости от хозяйственной деятельности человека функциональное назначение собаки меняется, что может означать и разное ее значение в культуре этнолокальных общностей. В трудах исследователей встречается и описание экстерьера, на основании которого исследователи делают предположения о разных путях и процессах domestikации собаки.

В более поздних работах мы также можем найти упоминания о собаках, чаще всего в контексте охотничьей деятельности якутов. В работе С. В. Бахрушина и С. А. Токарева «Якутия в XVII веке» (Якутия... 1953) и в монографии В. Н. Иванова «Социально-экономические отношения у якутов XVII в.» (Иванов 2015) указывается, что постоянным спутником и верным помощником человека в охотничьем промысле была собака. Причем собаки очень ценились, на что, бесспорно, оказали влияние их охотничьи навыки. Собак использовали в охоте на уток, зайцев, лося, медведей и др. При технике промысла того периода собаки оказывали заметную помощь якутскому охотнику.

Постепенно, по мере социальных трансформаций якутского общества, собака и отношения между ней и человеком выпадают из числа объектов интереса исследователей. Однако анализ современной сельской повседневности может показать ряд особенностей трансформации якутской этнической культуры.

МЕТОДЫ

Данное исследование базируется на анализе ряда опубликованных источников, которые в той или иной мере затрагивают проблему

взаимоотношений человека и собаки. Следует отметить, что ранее эта тема не была объектом какого-либо монографического исследования.

Также в работе использованы материалы, собранные с помощью количественных и качественных методов, таких как глубинное анкетирование, интервьюирование, включенное наблюдение. Все эти методы были использованы в ходе полевых экспедиций по западной и центральной частям Якутии и ее арктическим районам (2013–2022 гг.). Кроме того были применены результаты проведенного в 2022 г. пилотного опроса (всего 196 участников). Для сбора социологического материала применена квотная половозрастная выборка, составленная на основе данных о половозрастных характеристиках генеральной совокупности сельского населения Якутии. Сбор социологического материала проходил в смешанном формате. Часть материалов собрана методом личного опроса *face to face*, часть — путем онлайн-опроса. Респондентами выступили жители Горного, Вилюйского, Верхневилуйского, Верхоянского, Намского, Амгинского, Мегино-Кангаласского, Таттинского, Усть-Алданского, Хангаласского, Чурапчинского районов Якутии. Гендерное соотношение: мужчины составили 48%, женщины — 52%. Возрастное соотношение: от 18 до 22 лет — 16,8%, от 23 до 34 лет — 17,9%, от 35 до 44 лет — 17,3%, от 45 до 54 лет — 15,7%, от 55 до 64 лет — 18,4%, от 65 до 74 лет — 9,7%, 75 лет и старше — 4,1%. Особую ценность, безусловно, имеют материалы, собранные в ходе глубинных интервью среди охотников-собаководов, сельских жителей. Анализ повседневности как социокультурной среды, в которой воспроизводятся практики взаимодействия с животными посредством некоего неосознаваемого знания, проводился на основе самоописания информантами различных аспектов жизнедеятельности общества: с точки зрения пространства взаимодействия с животными, практик содержания, коммуникации и эмоций в отношении своих и чужих собак.

Методология исследования выстроена на основе теории повседневности и акторно-сетевой теории, характеризующейся сменой представлений о субъектах социальной жизни, — предполагается, что предметы, животные и другие нечеловеческие (*non-human*) субъекты также являются ее участниками.

ЗНАЧЕНИЕ СОБАКИ В ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Согласно заметкам, оставленным В. Л. Серошевским по поводу сосуществования человека и собаки в основном в скотоводческих районах Якутии, якутская собака была довольно слабо связана с человеком. Примечательно, что то же самое отмечалось и относительно лошади, которую отдельные этнографы считали дикой (Серошевский 1993: 147). Как уже было сказано, в летнее время собака находилась вдали от человека. В этот период она охотилась на зайцев, сусликов (овражек), крыс и других

мелких четвероногих, а также молодых птиц, разоряла гнезда. В зимнее время она приближалась к человеку и была зависима от него: он определял ее доступ к теплу и пропитанию в морозы. В. Л. Серошевский отмечает, что «дома она [собака. — *Примеч. ред.*] круглый год ничего не получает, за исключением человеческого кала» (Серошевский 1993: 142), соответственно в зимнее время собака питалась человеческими экскрементами. Подтверждением этому служит поговорка: «*Кырдыбас ыт курдьуктэн арахпат*» (якутск. «Старая собака не отходит от отхожего места») (Кулаковский 1945: 38).

В этом контексте интересным, представляются исследования биологов, представленные в книге Д. Гийо «Люди и собаки». Он пишет, что, исследуя экологическую среду и поведение собак в самых разных местах обитания, биолог Р. Коппингер заметил, что в Южной Америке, Африке и Азии многочисленные популяции бродячих собак в деревнях питаются отбросами, оставленными человеком (Coppinger 2001: 97). При этом, добавляет Коппингер, сельское население, живущее в непосредственном контакте с собаками, в подавляющем большинстве случаев относится к этим собакам с неприязнью, во всяком случае это следует из бесед автора с деревенскими жителями. По его мнению, эти деревенские псы наводят на мысль о механизме, приведшем к появлению *Canis familiaris* путем длительного естественного отбора, то есть ненамеренной селекции (Гийо 2009: 38). Данная конструкция интересна тем, что является, по существу, отказом от представления о собаке как пассивном участнике сознательно реализованного человеком проекта по преобразованию дикого животного в домашнее.

Представляется, что в якутском скотоводческом обществе действовал схожий механизм взаимодействия человека и собаки. В культурах других народов Сибири «санитарная» функция является также важной, но скорее альтернативной в сравнении с другими функциями (Адаев 2013: 128). В хозяйстве якутов-скотоводов она была превалирующей. Собака очищала жилище и прилегающую территорию от отходов жизнедеятельности человека, что, вероятнее всего, способствовало формированию пренебрежительного и даже негативного отношения к данному животному и, возможно, послужило основанием для одного из наименований собаки в якутском языке — *бөх* (якутск. ‘мусор’) (Кулаковский 1979).

Представление о собаке как важном помощнике человека встречается в преданиях и сказаниях якутов только при описании героя, имеющего отношение к охотничьей культуре других северных народов. Например, некоторые сыновья Омогой-Бая, одного из прародителей якутского народа, стали предками-основателями Баягантайского, Борогонского и Намского улусов, хозяйственная деятельность жителей которых имела в основном промысловую направленность. По одной из версий, сын Омогой-Бая Кэлтэгэй-Тобык «терпел лишения и питался добычей, которую

ему приносила черная собака» (История Якутской АССР... 1955: 344). По другой версии, записанной С. И. Боло в 1934 г. в Бахсытском наслеге Чурапчинского улуса, сына Омогой-Бая звали Дайбаххы-Хара, о нем сообщается, что «он усиленно молил божество Хомпорой-Айыы об увеличении своего богатства, на что оно, вняв его мольбе, спустило ему свыше собаку» (Предания, легенды... 1995). Сам он и его потомки кочевали и занимались охотой, от них, согласно сказанию, произошло якутское население теперешнего Верхоянского района (История Якутской АССР... 1955: 344). Действительно, в Вилюйском округе хорошая собака, приученная к охоте на птиц, могла прокормить небольшую семью в течение всего лета (Маак 1994).

Анализируя предания и сказания, историки отмечали, что собака, несомненно, была древним тотемом лесных охотников и рыболовов, в то время как тотемным и животным и скотоводов, потомков степняка Эллэя, были белогубый жеребец и орел (История Якутской АССР... 1955: 344). Характерно и отношение древних якутов-скотоводов к своим собратьям-охотникам: их считали иноземцами и чужеродцами, смотрели на них свысока, с оттенком презрения.

Как свидетельствуют лингвистические исследования, фразеологизмы якутского языка с компонентом *ыт* (якутск. ‘собака’) обозначают в основном отрицательные признаки человека и действия (Нелунов 2009: 181–183), в языковой картине якутов собака — существо презираемое, и этот зооним носит прежде всего пейоративную окраску: *иирбит ыт* (якутск. ‘бешеная собака’). Один из ярких пейоративов якутского языка построен на использовании этого зоонима: *түөрүт харахтаах хара хааннаах хара ыт* (якутск. «четырёхглазая черная собака с черной кровью») (Григорьева, Моисеева 2019: 120–125).

Интересно, что якуты вообще часто используют эвфемизмы. Например, эвфемизмы, которые употребляют на охоте, содержат пренебрежительную, порой даже негативную оценку самого охотника и его снаряжения и преследуют цель — оберегать охотника и обеспечить удачную охоту (Павлова 2022). Дело в том, что якутские охотники считали, что многие животные слышат и понимают человеческую речь, поэтому применяли «подставные» названия (Николев (Сомоготто) 1995: 111). Чтобы запутать лесных жителей, на охоте пользуются уничижительными эвфемизмами и для обозначения собаки. Так, собаку (*ыт*) именуют, как уже было упомянуто выше, *бөх* (якутск. ‘мусор’).

Показательно также значение собаки в культовых практиках. По представлениям якутов, все шаманы имеют своего звериного духа-покровителя (*ийэ-кыыла*). Наиболее слабыми и трусливыми бывают «собачьи» шаманы, то есть имеющие в качестве духа-покровителя собаку (*ыт абааһылаах ийэ-кыыла*); самые сильные и могущественные — те, у кого *ийэ-кыыла* — громадный бык-пороз, жеребец, орел, лось, черный

медведь (Ионов 1914). Таким образом, в ритуальных практиках защита, которую может оказать собака, считалась слабой.

Тем не менее охранная функция собаки нашла отражение в некоторых ритуальных практиках. Так, в Якутии были найдены несколько средневековых захоронений собак: 1) м. Маайа Боччотайа, Черкёхский наслег, Таттинский улус; 2) м. Уорай, Амгинский улус; 3) м. Сэндиэлэ, Мегино-Кангаласский улус; 4) м. Сордоннох Виллюйский улус. Стоит отметить, что в первых трех собаки, по всей видимости, выполняли функцию оберега либо труп собаки использовался в качестве жертвоприношения. В захоронении, найденном в Виллюйском районе, произведено погребение собаки в пустой могиле. Исследователями выдвигается мнение, что собака в данном случае является заменителем человека в кенотафе (Попов 2008). В погребальной культуре народа саха не выявлено погребений с собакой, в которых можно было бы видеть черты некоего почитания, что, например, ярко прослеживается в погребениях с конем.

Защитная функция собаки нашла отражение и в антропонимике: «...якуты, если умирает много новорожденных в семье, при рождении ребенка называют “ребенок собаки”» (Багдарыын Сютлэ 2013). Такое «неприглядное» имя давалось человеку, чтобы предохранить его от смерти, болезни, воздействия злых духов и людей. При этом надо отметить, что в якутском именнике компонент *ыт* присутствует только в мужских именах, что, по мнению исследователей, говорит о том, что образ собаки был связан с промысловым культом (Николаев 2017).

Было широко распространено такое явление, что собак якуты называют детскими именами: например, Уоллара (якутск. ‘парнишка’) (Маак 1994: 286), Нохоо (якутск. ‘мальчик, молодой’).

Любопытно, что, дабы сохранить ребенка от злых духов, иногда даже производилась подмена ребенка на щенка. Ребенка отдавали в чужую семью на воспитание, а щенок должен был умереть спустя некоторое время. Здесь обман духов заключается в следующем: ребенок получает имя «Щенок», одновременно собака получает имя «Парнишка», в результате дух — истребитель мальчиков вместо ребенка умерщвляет собаку (Зеленин 1929: 165).

По этому поводу Д. К. Зеленин в свое время высказал весьма любопытное предположение:

Очевидно, первоначально выбирались не просто «худые имена», а имена животных. Причем ребенок получал от животного, как от прежнего носителя данного имени, его свойства. В частности, живучесть и здоровье; в этом смысле характерен отмеченный Р. Мааком... взаимный обмен имен между ребенком и собакой. Когда эта, более старая, идея забылась, в собачьих и вообще в худых именах стали видеть только обман злых духов (Зеленин 1930: 129).

В этом контексте интересны исследования А. Е. Кулаковского, в которых говорится, что древние религиозные представления якутов предполагали, что за размножение людей отвечала богиня Айыысыт:

Именно она приносит на землю душу ребенка. При этом считалось, что своя Айыысыт есть у каждого вида домашнего скота. Из них Айыысыт собаки может дарить дитя женщине. Чтобы привлечь расположение этой Айыысыт по имени Норулуйа, женщина должна хорошо обращаться с собакой при ее родах, кормить и ласкать ее. Ребенок, кут (душа) которого выпрошен у Норулуйа, бывает с несимметрично развитыми лицевыми костями. Впоследствии этот ребенок имеет обыкновение мочиться у каждого кустика, подобно кобелю (Кулаковский 1979: 483).

При этом последнюю фразу не стоит понимать исключительно буквально. В якутском языке существует поговорка: «*Ыт көрбүт эрэ чөңчөгөр шиктиригэр дылы*» («Подобно тому, как собака мочится у каждого пенька, который увидит») — так говорят о мужчине, который стремится завести большое количество сексуальных связей (Кулаковский 1979: 202). Таким образом, предположение Д. К. Зеленина о более глубокой и древней подоплеке обмена именем между ребенком и собакой, скорее всего, было верным. Все вышеперечисленное говорит о том, что между человеком и собакой существовал не только реципрокный обмен как обмен ресурсами в контексте охотничьей деятельности, но и некоторый ментальный обмен. Собака сохраняется человеком и делит с ним скудные ресурсы для того, чтобы противостоять неблагоприятным обстоятельствам общими силами, для выравнивания жизненных шансов участников сети. Ментально собака должна подменить собой человека, чтобы в целом сообщество могло выжить. При этом граница между людьми и не людьми тем слабее, чем интенсивнее взаимодействие между ними (Сафонова, Шанта 2013: 97).

Таким образом, взаимодействия с собакой отразились в богатом пласте якутской культуры: от ритуальных практик и антропонимикона до выстраивания ментальных границ с соседними народами и между этнолокальными группами якутов. Образ собаки имел защитную функцию не только потому, что собака выполняла роль охранника, но и потому, что само отношение к этому животному было презрительным, то есть в силу его негативной оценки оно также приобретало защитную функцию. В якутском языке эвфемизации подвергались многие стороны жизни человека с целью оградить последнего от влияния злых духов — о важном принято было говорить в негативном ключе (Скрябина 2017). Это же проявлялось на уровне ритуальных практик: в некоторых из них собака подменяла собой человека с целью запутать злых духов (Скрябина 2017).

СОБАКА И ЧЕЛОВЕК В САКРАЛЬНОМ
И ПРОФАННОМ ПРОСТРАНСТВАХ

В Якутии определенную структуру пространства населенных территорий с расположением построек и изгородей сформировала главным образом скотоводческая культура. Ее специфика была продиктована поведением животных в разные периоды года, а также необходимостью поддерживать хозяйственные практики. Здесь стоит отметить, что исторически якуты жили рассредоточенно на обширной территории по несколько семей, переезжая в течение года между летним и зимним жилищами. При этом постройки (главным образом изгороди), разграничивающие пространство, были сделаны для управления передвижением крупного рогатого скота и лошадей. Впоследствии, в процессе коллективизации в 30-е гг. XX в., проводилась политика укрупнения поселений, в соответствии с которой люди, жившие до того разрозненно в местах пастбищ, собирались в определенных населенных пунктах для совместной общественной жизни. Данное обстоятельство является ведущим в архитектуре и пространственной организации якутского села и в настоящее время. Тем не менее следует отметить, что традиция огораживания сохранилась до сих пор. При этом конструкция изгороди (*күрүө*) из жердей не изменилась. Таким образом, организация пространства такова, что она главным образом регулирует перемещение скота, в то время как для собак пространство оказывается доступным и проницаемым (за исключением помещений) (Васильев, Данилова 2018: 155–159).

Прошло более 140 лет с того времени, как В. Л. Серошевский описал взаимоотношения человека и собаки в контексте якутской культуры (Серошевский 1993: 137). В его описании подчеркивается свободный характер перемещения собаки, однако за прошедшее время произошли некоторые изменения. Собаки в малых селах Якутии до сих пор ходят в основном без привязи, контроль за популяцией собак лежит полностью на плечах хозяев. В более крупных населенных пунктах происходит постепенный переход к содержанию животных с охранными функциями внутри двора. При этом контроль за численностью животных передается к муниципальным органам власти. В настоящее время свободный выгул собак на территории республики запрещен постановлением Правительства Республики Саха (Якутия)¹.

Однако многие сельчане игнорируют требование о запрете самовыгула собак, и на улицах якутских сел бродят местные дворовые собаки. Данное обстоятельство связано с традиционными практиками содержания

¹ О правилах содержания домашних животных на территории Республики Саха (Якутия): Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 1 августа 2014 г. № 237 // Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/445029949> (дата обращения: 10.02.2023).

собак. Тем не менее в целом в якутских деревнях можно ходить по улицам, не опасаясь собак.

Основные конфликты между социальной жизнью людей и поведением животных возникают в связи с охотничьими собаками. Пример тому — случай, произошедший в с. Оленёк: сопровождающая нас жительница села С. М. (1977 г. р.) в ответ на рассказ одного из авторов данной статьи о пешей прогулке на окраине села и встрече со стаей собак посетовала: «Туда лучше не ходить, мы сами боимся ходить. Там большие собаки живут, охотничьи!» (ПМА Оленёк, 2022). Информанты отмечают, что на определенные улицы, в отдельные районы села опасно ходить из-за живущих там охотничьих собак. После пешего похода из гостиницы в местный музей в с. Оленёк сотрудниками администрации района устно была дана директива сопровождающим: «Не водить гостей пешком по улицам». Частые конфликты между охотниками и их сельскими соседями возникают из-за того, что охотничьи собаки не содержатся на привязи. Разумеется, охотничья собака не может все время сидеть на привязи, она должна ходить в лес. Кроме того, собак может быть достаточно много в одном месте, ведь считается, что невозможно воспитать в собаке ценные для охоты навыки — они даются от природы (Гончаров 2018: 88–96), так что проверить наличие таких способностей можно только непосредственно на охоте. Охотник выращивает несколько щенков из одного помета и впоследствии берет их с собой на охоту, оценивая их охотничьи качества, а если собака для охоты не годится — умерщвляет ее. Основным критерием в определении пригодности собаки к охоте на крупную дичь является бесстрашие, способность работать в команде, выносливость (собака, например, должна быть способна долго преследовать лося по насту). Есть даже поговорка, которая характеризует недалекого, высказывающегося невпопад человека: «*Арбатах ыт сыгынабы урүригэр дылы*» (Кулаковский 1945: 18), то есть человек подобен «отставшей собаке, лающей на бурелом». Имеется в виду, что плохая собака не может долго преследовать лося и лает на опрокинутое бурей дерево, корни которого издали очень похожи на рога сохатого. Охотник, бегущий на лыжах сзади, находит свою собаку за этим занятием. Заметим, что один из критериев хорошей собаки — «молчаливость» при сопровождении охотника: лаять она должна только при обнаружении зверя. Надо отметить, что как раз это качество вырабатывается и с помощью дрессировки (Гурвич 1977: 38).

Ограничение на проникновение собаки в жилое пространство в селе сохраняется — собака до сих пор не заходит внутрь дома и даже в дворовые пристройки (баню, амбар, теплицы). Если у хозяина есть гараж, то в зимний период собака живет в гараже или котельных частных домов. Но в абсолютном большинстве якутские собаки, несмотря на морозы, живут во дворе. В этой связи сельские жители иногда с некоторым презрением отмечают свое отличие от городских: «...они живут с собаками

в маленькой квартире» (ПМА Верхневилуйск, 2019). При этом жалости удостаивается как человек, так и собака.

Надо отметить, что в настоящее время якуты сохраняют разделение не только обыденного пространства, но и сакрального. В современной жизни якутских сел собака в сакральном пространстве занимает одну из низших позиций. Собака у якутов до сих пор считается грязным, подлым животным. Как рассказал один из информантов, «не допускается в момент обряда *Алгыс* [обряд благословения. — *Примеч. авт.*], чтобы в *түсүлгэ* [огороженное пространство для проведения праздника *Ысыах*. — *Примеч. ред.*] находилась собака, потому что это грязное животное» (ПМА Нюрба, 2019). Нечистое же с точки зрения анимистического мироздания тем и отличается от чистого, что привлекает к себе злых духов и вполне доступно им (Зеленин 1929: 30). Характерно в этом отношении выглядит сцена, запечатленная на известной фотографии, где собака пребывает в сакральном пространстве якутов, во время празднования весенне-летнего праздника *Ысыах* (см. рис.).

На фотографии, сделанной в 1902 г., участник Джузеповской Северо-Тихоокеанской экспедиции Владимир Ильич Иохельсон запечатлел участников якутского традиционного танца *осуахай* в селении Чурапча на праздновании главного праздника якутов — *Ысыаха*. Всегда отмечается, что фотографии сделанные тогда не являются «этнографически правдивыми», поскольку праздник был проведен специально для того, чтобы этнограф смог запечатлеть его. Тем не менее фотографии, сделанные этнографом, содержат ценную визуальную информацию о жизни якутов в дореволюционное время. В кадре присутствует собака. При этом достоверно известно, что собака эта принадлежала самому этнографу — она попала в объектив его фотоаппарата и на многих других снимках.

На первый взгляд фотография как будто говорит, что сакральное пространство праздника было доступно для собаки. Однако можно предположить, что присутствие собаки «вскрывает» факт постановочности самого действия. Она как бы сообщает, что происходящее на фото не несет в полной мере сакрального смысла.

Об этом можно судить по тем поговорке, которая есть в якутском языке: «*Ыһыахха баайбыт ыкка дылы*» («Подобно собаке, бывшей на привязи во время *Ысыаха*»). Так плачется человек, оставленный безучастно зрителем на свадьбе или пирушке (Кулаковский 1979: 201). Эта поговорка свидетельствует о том, что собака не должна была присутствовать на сакральном празднике.

Кроме того, собака этнографа могла восприниматься как существо не из якутской культуры. Объяснение этой ситуации можно найти, если перенести смысловое наполнение другой присказки, наличествующей в якутском языке, на ситуации разграничения чужой и своей культур: «*“Сабака”*»

Рис. Собака на постановочном *Ысыахе*. Фото В. Иохельсона, 1902. URL: <https://exo-ykt.ru/articles/samyu-drevniy-i-samyu-svetlyy-prazdnik-solnca-ysyah> (дата обращения: 30.09.2023)

Fig. A dog at staged Ysyakh celebration. Photo by V. Yokhelson, 1902. URL: <https://exo-ykt.ru/articles/samyu-drevniy-i-samyu-svetlyy-prazdnik-solnca-ysyah> (access date: 30.09.2023)

диэбитэ ничего, “ыт” диэбитэ кыһыылаах («Обозвать “собака” — еще ничего, оскорбительнее назвать “ыт”») (Бравина 2005: 222).

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО

При анализе взаимодействия человека и животного нельзя не упомянуть наличия временных категорий (а именно — сезонных циклов), особенно в якутской сельской среде. Традиционное хозяйство якутов, как, впрочем, любое натуральное хозяйство, полностью зависит от климатических циклов, природных явлений. Сезонность и в настоящее время сказывается на многих сторонах жизни, в том числе это проявляется при взаимодействии человека и собаки.

Весной и летом, как и прежде, собака в Якутии много времени проводит, гуляя свободно. Зимой в особо холодные дни хозяева пускают собак внутрь гаража или иные отапливаемые нежилые помещения. В жилой дом попадает в качестве исключения только собака охотничьей породы и лишь в крайнем случае (или породистая и не приспособленная к жизни на улице собака). В прошлом в жилые помещения

собак пускали, возможно, потому, что люди стремились не допустить, чтобы собака в морозы грелась в стогах сена и тем самым портила его. Стоит отметить, что и сейчас собаки зимой зачастую находят теплое место именно в стогах сена, которые якуты привозят с сенокосных угодий и ставят рядом с хлевом. Хозяева скота не одобряют, чтобы собаки спали, сидели и вообще ходили рядом с сеном, считается, что сено, на котором лежала собака, лошади и коровы не едят из-за запаха псины, в результате чего его приходится просто выбрасывать. Скотоводы также стараются огородить сено от собак — по возможности закрывают все доступы к стогу. В настоящее время сено также тщательно укрывают большим полиэтиленовым тентом.

В современном якутском селе кормление собак также встроено в традиционные ритмы повседневной жизни, связанные с сезонностью. Собаку не принято кормить вне зимнего времени и охотничьего сезона. Следует отметить, что традиционные практики чаще сохраняются в малых селах, но встречаются порой и в крупных населенных пунктах. На упоминания о покупке специализированной или вообще любой еды именно для собаки сельские жители реагируют с удивлением: «Еще чего — псу покупать еду! Себе бы купить!» Считается, что если покупать каши, комбикорм для дворовой собаки, то она заплывет жиром и станет ленивой. «Кашу можно и нужно давать большим собакам — кавказским овчаркам там, алабаям. Но зачем они нам? У нас свои собаки хороши», — отметил информант Д. Т. (1979 г. р.) (ПМА, Верхневилуйск, 2013). При этом питание собаки в некоторой мере зависит от времени года: весной, летом, осенью собака чаще всего ходит без привязи, сама себе добывает еду в окрестных лесах, аласах, хотя питается и объедками с человеческого стола. Зимой и с наступлением холодов все собаки полностью переходят в зависимость от человека. Чаще всего собаки довольствуются объедками со стола, костями, им могут подкинуть испортившееся мясо, кожу, мясные «опилки», оставшиеся после распиловки мерзлого мяса, разную мелкую рыбу. Следят, чтобы собака не ела утиные кости, так как трубчатые кости могут травмировать животное. Охотничью собаку вне охотничьего сезона кормят примерно так же, как и дворовых цепных псов. Только породистая собака или собака, доказавшая свою функциональность и заслужившая «репутацию» хорошего охотника, имеет рацион значительно лучше, чем у дворового пса. Питание собаки — это, как правило, испорченные продукты, то, что уже не станет есть человек, поэтому такой эпитет, как *ыт аһа* (якутск. ‘собачья еда’), в отношении еды, приготовленной для людей, крайне оскорбителен.

За здоровьем собаки следят чаще всего в первый год ее жизни. При этом хозяева ухаживают как за матерью, так и за щенками. Из помета более ценятся кобели, а также щенки, родившиеся первыми. В последние годы усилился контроль со стороны органов власти за вакцинацией

животных, в весенний период проводится учет собак. Но и это не спасает сельское общество от «незапланированного» роста количества бесхозных собак. Впрочем, эта проблема наиболее остро стоит в крупных поселениях, а также в городах.

Повышение агрессии со стороны собак, нападения на скот в настоящее время информанты склонны объяснять негативным влиянием, пришедшим из городов. Ранее проблемы регуляции численности собак, а также их умерщвления в случае агрессии по отношению к человеку решались быстро, но в настоящее время это становится одной из острых проблем в связи с ограничениями, наложенными законодательством.

КОММУНИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО И ЭМОЦИИ

Определение повседневности как пространства коммуникаций придает особое значение коммуникации человека с собакой через считывание человеком эмоциональной окрашенности лая собаки, что соотносится с международными исследованиями, которые показали, что люди при постоянном взаимодействии с животными способны распознавать повышенное эмоциональное возбуждение в сигналах, которые они передают (Filippi at al. 2017).

Например, все истории охотников практически всегда опираются на рассказы про собак, зачастую речь идет и о понимании этих сигналов. Приведем здесь один показательный рассказ, который поведал К. А. (1979 г. р.) (ПМА Якутск, 2020). Это произошло, когда во время сенокоса в Нюрбинском улусе К. А. со своим тестем убирал сено. Где-то вдалеке лаяли собаки в лесу. Через некоторое время прискакал на лошади с другого края аласа шурин рассказчика и на скаку крикнул своему зятю и отцу, что собаки уже час как гоняют лося, а они не слышат (не понимают их). Затем он умчался в сторону доносящегося лая. Вечером, поздно вернувшись домой, шурин с досадой рассказал, что собаки действительно гнали лося и в один момент остановили его, увидев шурина с ружьем, для того чтобы он выстрелил. К сожалению, выстрел только оглушил животное на короткое время, и лось смог убежать. Собаки побежали за ним в лес, а рассказчик не стал гнаться. Когда отдыхал, вернулись сильно запыхавшиеся собаки — посмотрели на него с немой досадой и, отдышавшись, убежали в деревню. По их взгляду он почувствовал себя тогда виноватым перед ними, плохим охотником, с которым «кашу не сварить».

Другой информант, Я. И. (1986 г. р.) (ПМА Верхневилуйск, 2022), рассказал схожую историю:

Приехал к друзьям в *үүтээн* [якутск. «охотничья избушка». — *Примеч. авт.*], у них была собака самая опытная, охотник со стажем — на медведя, лося, соболя. Как я сел курить в общий круг, этот пес подошел, обнюхал

меня, смотрит с презрением: «Кто такой? Что за человек?». Во взгляде собаки немой вопрос к хозяину — стоит доверять ему или нет? Ну, поехали в другой *үүтээн*, по дороге зашли посмотреть одно озеро — нет ли уток. Так вот пес-то с другого берега в нашу сторону привел под ружейный выстрел уток. Я выстрелил и промазал. И когда выходили из аласа, мимо меня пробежал охотничий пес и прямо «цокнул» так, что я, сидя на лошади, начал громко оправдываться, смотря вслед псу: «Ну, ты меня прости, ружье неправильно взял, что ты прямо!» Потом всю дорогу с мужиками смеялись, а собака меня игнорировала весь день — обиделась.

Понимание этого эмоционального «языка» собаки в нарративах информантов становится в том числе основой для приписывания идентичности человека (в основном мужчины) себе и другим в контексте занятости (охота, скотоводство, оленеводство и др.), места проживания (город, село, районы республики).

В рассказах можно встретить довольно высокую степень антропоморфизации описания поведения животных. Тем не менее очевидная сложность коммуникации людей и собак, состоящая в том, что интерпретации наделяются смыслами, рожденными в нашей системе ценностей и значений (Гвоздиков 2018: 45), проявляет себя. Интенции, приписываемые животному, остаются трактовками, которые животные не в состоянии однозначно подтвердить. Таким образом, одностороннее понимание человеком эмоциональных сигналов собаки, если оно каким-то образом помогает в охотничьей деятельности, выступает в качестве основы выстраивания образа мужчины-охотника.

Оба примера демонстрируют, что если человек проявил себя как слабый охотник, то собака своим поведением выказывает ему недовольство, даже насмехается над ним. Интересно, что в якутском языке присутствуют присказки, свидетельствующие, что собака может «считывать» социальный статус человека. Например, ситуация социального стыда в якутском языке воспроизводится в виде присказки, в которой упоминается собака. Поговорки «*Күөт ыт күлүүтүгэр барбыт*» или «*Эриэн ыт элэбэ, күөт ыт күлүүтэ буолбут*» (то есть «Вызвал насмешку у собаки», «Стал посмешищем для всякой собаки») означала и социальную смерть человека, потерявшего свое достоинство, честь, имя (Бравина 2005). Другие примеры: «*Ыал киллэрбэт, ыт үрбэт буолбут*» («Его и в дом не пускают, и собака на него не лает»); «*Уокка бырахтахха кэнттик тахсыбат, күөх окко суулаатахха атыыр обус сахсылаабат, сыбаа былаатахха ыт сымсайбат*» («Он стал таковым, что, если бросить его в огонь, то не слышен запах, если обернуть его в зеленое сено, то даже пороз не ест, если смешать с жиром, то и собаке не нравится»); так говорят об опустившемся человеке, ставшем ни к чему непригодным) (Кулаковский

1979). Так говорили о нищих недееспособных людях, которые побираются и вынуждены ходить от юрты к юрте, чтоб поесть. Эти поговорки, конечно, уже вышли из оборота, но все же отражают специфику якутской культуры прошлого, основанной на длительном наблюдении за поведением животных.

В настоящее время отношение к собаке отличается в зависимости от ее функциональности: если к дворовым собакам оно пренебрежительное, то к охотничьим собакам (*булчут ыт*, *булчут* — якутск. ‘охотничья собака’, ‘охотник’) отношение иное. Это проявляется в уходе, общем обращении, кличках. Семья, хозяин и даже соседи к ценной охотничьей собаке относятся уважительно. Дети и женщины боятся ее вида, «характера». Отметим, что это соотносится с результатами исследований Д. Харауэя, который отмечает, что «“уважение” и “доверие” более соответствуют отношениям между людьми и рабочими породами собак, чем “любовь”» (цит. по: Гвоздиков 2018: 50). По результатам проведенного нами опроса в современном якутском селе также 69 респондентов из 196 отметили, что их собака имеет охотничьи функции. Из 69 лишь 19 сказали, что рассматривают такую собаку как друга семьи, в то время как среди 86 респондентов, кто отметил охранную функцию, 33 опрошенных заявили, что такая собака является для них другом семьи. В целом же треть опрошенных — 65 респондентов — указали, что собаку они рассматривают как друга семьи.

Сохраняется и представление о том, что человек своими словами может оказать влияние на охотничьи качества собаки. Вследствие того что в якутской культуре не принято хвалить и говорить о хороших качествах того или иного человека или вещи, с тем, чтоб не испортить, когда дарят щенка охотничьей собаке часто принижают его возможные качества проинося: «ну хоть на уток будет ходить, или в худшем случае будет на чужих лаять». При этом считается, что хорошая охотничья собака может охотиться на любую дичь.

Другим интересным моментом является то, что собака выступает определенным сигналом для опознания местонахождения хозяина. Здесь следует отметить, что не только человек вступает в коммуникацию с собакой и пытается так или иначе интерпретировать ее поведение, но и собака выступает неким знаком в коммуникации между людьми. Напомним, что собаки в малых селах Якутии ходят в основном без привязи. Собаки, свободно перемещающиеся по селу, в том числе являются своего рода «знаками», с помощью которых люди получают информацию о перемещении односельчан. Например, сельский учитель, подходя к зданию школы, заранее может понять, пришли ли некоторые ученики на уроки, поскольку собаки почти каждый день сопровождают многих из них в школу по утрам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие человека и собаки в якутской культуре имеет ряд особенностей. Этнографические материалы XIX — начала XX в. высвечивают специфику отношения к собакам у двух этнолокальных групп якутов. Для лесных охотников северо-западной части Якутии собака имеет большее значение, нежели для скотоводов центральной части республики. В охотничьей деятельности собака играет весьма важную роль. Отголоски данного обстоятельства сохранились в исторических преданиях и мифах о прародителях жителей отдельных районов Якутии. В традиционно скотоводческих районах за собакой в основном закрепилось представление как о «мусорщике». Трансформации, связанные со значением собаки в якутской культуре, происходили по мере утраты ее важной роли в хозяйственной жизни человека. Речь идет о переходе на скотоводческое хозяйство, а также о распространении новых технологий — охотничьего оружия и инвентаря.

Изменение образа собаки мы можем наблюдать и по этнографическим источникам, в частности в практиках имянаречения. Более древний пласт смыслов, заложенных в эту традицию и связанный с реципрокным обменом и жертвами внутри сети, со временем теряет свое исходное значение.

В статье мы также обратили внимание на современные практики и нарративы, проанализировали повседневность жителей сельской местности, где в большей мере все еще сохраняются некоторые формы традиционной культуры. Анализ новых данных в соотнесении с этнографическими и фольклорными материалами прошлого показывает тесное переплетение пространства животных и людей, проживающих на одной территории. В сельской повседневности воспроизводящиеся практики взаимодействия с животными позволяют людям выстраивать и поддерживать гендерные роли, социальные статусы и ментальные границы.

Несмотря на то что в настоящее время специфика взаимодействия с животными отчасти нивелируется, некоторые компоненты традиционного отношения, как нам показалось, сохраняются. Речь идет прежде всего о практиках разделения общего пространства на профанное и сакральное, правилах содержания собак, а также о ментальных проекциях восприятия поведения животных в современной охотничьей деятельности. Этот факт дает нам возможность утверждать, что собака у современных якутов является одним из многочисленных факторов, формирующих коммуникационные каналы (культурные, социальные) для связывания традиционного времени с современностью.

Изменения оказываются связаны с укрупнением населенных пунктов и снижением интенсивности взаимодействия людей и семей внутри сельского сообщества. Собака становится частью лишь небольшой социальной организации, а укрупнение населенных пунктов приводит

к конфликтам между традиционными практиками содержания животных, а также требованиями общества. При этом традиционные практики содержания собак вступают в противоречие с современным законодательством, запрещающим самовыгул собак.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА — Экспедиция в с. Верхневилуйск Республики Саха (Якутия), 2018 г. Т. П. Догуев (1978 г. р.).

ПМА. Экспедиция в г. Нюрба Республики Саха (Якутия), 2019 г. Н. Н. Мартынов (1934 г. р.).

ПМА. Экспедиция с. Верхневилуйск Республики Саха (Якутия), 2022 г.

Адаев В. Н. Ненецкие оленегонные лайки тазовской тундры // АВ ORIGINE. Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2013. Вып. 5. С. 120–142.

Багдарыын Сюлбэ. Избранные труды. Т. 1: Вечные названия (на якутском языке). Якутск: Бичик, 2013. 536 с.

Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 304 с.

Васильев В. Е., Данилова Н. К. Магический круг в освоенном пространстве: символическое значение и функциональное назначение (на материале народа саха) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-krug-v-osvoennom-prostranstve-simvolicheskoe-znachenie-i-funktsionalnoe-naznachenie-na-materiale-naroda-saha> (дата обращения: 05.04.2023).

Гвоздиков Д. С. Мы-альфа: к модели социальной организации собаки и человека // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 44–56.

Гийо Д. Люди и собаки. М.: НЛЮ, 2009. 340 с.

Гончаров Н. С. Животные в нарративах населения поселка Жиганск Республики Саха (Якутия) // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 88–96.

Григорьева Т. И., Моисеева В. Л. Гендерная репрезентация фразеологических единиц с компонентом зоонимического кода в русском и якутском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 3. С. 120–125.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 247 с.

Давыдов В. Н. Отношения человека, животных и ландшафта на Северном Байкале, в Забайкалье и Южной Якутии // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири: сборник научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 210–258.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929. Ч. 2. 516 с.

Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2015. 459 с.

Ионов В. М. Обзор литературы по верованиям якутов. Пг.: Тип. В. Д. Смирнова, 1914. 626 с.

История Якутской АССР: в 3 т. Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству / отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 430 с.

Ксенофонтов Г. В. Ураангхай — сахалар: очерки по древней истории якутов: в 2 т. Т. 1. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия). 1992. 414 с.

Кулаковский А. Е. Якутские пословицы и поговорки. 2-е изд. Якутск: Якутское гос. изд-во, 1945. 99 с.

Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1979. 483 с.

Маак Р. К. Вилуйский округ. 2-е изд. М.: Яна, 1994. 592 с.

Недунов А. Г. Фразеологизмы с компонентом БТ «СОБАКА» в якутском языке // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: материалы конф. М.: Тезаурус, 2009. С. 181–183.

Николаев С. И. (Сомоготто). Происхождение народа саха. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. 111 с.

Николаев Е. Р. «Собака» в якутском и адыгском антропонимиконах // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: сборник материалов XI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой, Майкоп, 20–23 декабря 2017 г. Майкоп: Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. С. 388–391.

Павлова И. П. Приемы эвфемистической субституции в табуированной речи (на материале якутского языка) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/51FLSK222.pdf>. DOI: 10.15862/51FLSK222 (дата обращения: 05.04.2023).

Попов В. В., Николаев В. С. Захоронения животных в обрядовой практике саха-якутов XV–XX вв. // Известия лаборатории древних технологий. 2008. № 1 (6). С. 194–212.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост.: Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 1995. 406 с.

Сафонова Т., Шанта И. Встречи на эвенкийской земле: кибернетическая антропология Байкальского региона. СПб.: Алетей, 2013. 176 с.

Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: [б. и.], 1993. 713 с.

Скрябина А. А. Эвфемизмы о болезни и смерти в якутском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2017. № 9 (405). Вып. 108. С. 67–73.

Скрябина А. А. Основные сферы эвфемизации в якутском языке // Наука сегодня: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч., Вологда, 29 ноября 2017 г. Ч. 3. Вологда: ООО «Маркер», 2017. С. 29–30.

Якутия в XVII веке: (очерки) / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1953. 435 с.

Coppinger R., Coppinger L. Dogs. A New Understanding of Canine Origin, Behavior, and Evolution. New York: University of Chicago Press, 2001. 352 p.

Davydov V. N., Klokov K. B. Dogs, reindeer and humans in Siberia: threefold synergetic in the northern landscape // *Dogs in the North: Stories of Cooperation and Co-Domestication*. London, 2018. P. 57–72.

REFERENCES

Adaev V. N. [Nenets reindeer huskies of the Taz tundra]. *AB ORIGINE. Arkheologo-etnograficheskiy sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [AB ORIGINE. Archaeological and ethnographic collection of the Tyumen State University]. Tyumen, 2013, vol. 5, pp. 120–142. (In Russian).

Bagdaryyn Syulbe. *Izbrannye trudy. Vol. 1: Vechnye nazvaniia* [Selected works. Vol. 1: Eternal names]. Yakutsk: Bichik Publ., 2013. (In Yakutian).

Bravina R. I. *Kontsepsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: na materiale traditsiy Sakha* [The concept of life and death in the culture of an ethnos: based on the Sakha Traditions]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. (In Russian).

Coppinger R., Coppinger L. *Dogs. A New Understanding of Canine Origin, Behavior, and Evolution*. New York: University of Chicago Press, 2001. (In English).

Davydov V. N. [Human-animal relations in the historic-cultural landscape of Northern Baikal, Zabaikal and Southern Yakutia]. *Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri: sbornik nauchnykh statey* [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia: collection of scientific articles]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2017, pp. 210–258. (In Russian).

Davydov V. N., Klokov K. B. Dogs, reindeer and humans in Siberia: threefold synergetic in the northern landscape. *Dogs in the North: Stories of Cooperation and Co-Domestication*. London, 2018, pp. 57–72. (In English).

Goncharov N. S. [Animals in the narratives of the population of Zhigansk village in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Kunstkamera*, 2018, no. 2, pp. 88–96. (In Russian).

Grigor'eva T. I., Moiseeva V. L. [Gender representation of phraseological units with the component zoonym in the Russian and Yakut languages]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 3, pp. 120–125. (In Russian).

Guillo D. *Lyudi i sobaki* [Dogs and Humans]. Moscow: NLO Publ., 2009. (In Russian).

Gurvich I. S. *Kul'tura severnykh yakutov-olenevodov. K voprosu o pozdnykh etapakh formirovaniya yakutskogo naroda* [The culture of the northern Yakuts-reindeer herders. On the question of the late stages of the formation of the Yakut people]. Moscow: Nauka Publ., 1977. (In Russian).

Gvozdikov D. S. [We-alpha: toward a model of social organization of the dog and human]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2018, no. 4, pp. 44–56. (In Russian).

Istoriya Yakutskoy ASSR: v 3 vypuskakh. Vol. 1: Yakutiya do prisoeдинeniya k russkomu gosudarstvu [History of the Yakut ASSR: in 3 volumes. Vol. 1: Yakutia before joining the Russian state]. Ed. by L. P. Potapov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN USSR Publ., 1955. (In Russian).

Ivanov V. N. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya u yakutov. 17 vek* [Socio-economic relations among the Yakuts. 17th century]. Yakutsk: Izdatel'skiy dom Severo-Vostochnogo Federal'nogo Universiteta Publ., 2015. (In Russian).

Ksenofontov G. V. *Uraanghaj — sakhalar: ocherki po drevney istorii yakutov: v 2 knigah*. [Uraanghai — sakhalar: essays on the ancient history of the Yakuts: in 2 books]. Yakutsk: Nacional'noe izdatel'stvo Respubliki Saxa (Yakutiya) Publ., 1992, vol. 1. (In Russian).

Kulakovskiy A. E. *Nauchny'e trudy'* [Scientific works]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979. 483 p. (In Russian).

Nelunov A. G. [Phrases with the component yt “dog” in the Yakut language]. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie. Altaistika. Tyurkologiya: Materialy konferentsii* [Comparative and historical linguistics. Altaistics. Turkology: conference materials]. Moscow: Tezaurus Publ., 2009, pp. 181–183. (In Russian).

Nikolaev E. R. [“Dog” in the Yakut and Adyghe anthroponymicons]. *Russkiy yazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy: Sbornik materialov 11 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati zaslužhennogo deyatelya nauki Adygei i Kubani, professora Rozy Yusufovny Namitokovoy, Maykop, 20–23 dekabrya 2017 goda* [Russian language and Onomastics in the multicultural educational space of the South of Russia and the North Caucasus: Problems and prospects: A collection of materials of the 11 International Scientific Conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of Adygea and Kuban, Professor Rosa Yusufovna Namitokova, Maykop, December 20–23, 2017]. Maykop: «Magarin O. G.» Publ., 2017, pp. 388–391. (In Russian).

Nikolaev S. I. (Somogotto) *Proiskhozhdenie naroda sakha* [Origin of the Sakha people]. Yakutsk: Saxapoligrafizdat Publ., 1995. (In Russian).

Pavlova I. P. [Methods of euphemistic substitution in taboo speech (based on the Yakut language)]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 2022, vol. 13, no. 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/51FLSK222.pdf> DOI: 10.15862/51FLSK222 (accessed: 05.04.2023). (In Russian).

Popov V. V., Nikolaev V. S. [Graves of animals in burial practice of sakaha-yakuts in 15–20 centuries]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2008, no. 1 (6), pp. 194–212. (In Russian).

Safonova T., Shanta I. *Vstrechi na evenkiyskoy zemle: kiberneticheskaya antropologiya Baykal'skogo regiona* [Encounters on Evenki soil: cybernetic anthropology of the Baikal region]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2013. (In Russian).

Seroshevskiy V. L. *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: the experience of ethnographic research]. 2nd edition. Moscow, 1993. (In Russian).

Skryabina A. A. [Euphemisms about disease and death in the yakut language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state university], *Filologicheskie nauki*, 2017, no. 9 (405), vol. 108, pp. 67–73. (In Russian).

Skryabina A. A. [The main areas of euphemization in the Yakut language]. *Nauka segodnya: problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 3 chastyakh, Vologda, 29 noyabrya 2017 goda* [Science Today: Problems and Prospects of Development: Scientific and practical materials of the International Conference: 3rd Fri., Vologda, November 29, 2017]. Vol. 3. Vologda: OOO «Marker» Publ., 2017, pp. 29–30. (In Russian).

Vasil'ev V. E., Danilova N. K. [Magic circle in the developed space: symbolical meaning and functional purpose (by a case study of the sakha people)]. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2018, no. 12 (56), pp. 150–159. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-krug-v-osvoennom-prostranstve-simvolicheskoe-znachenie-i-funktsionalnoe-naznachenie-na-materiale-naroda-saha> (accessed: 05.04.2023). (In Russian).

Yakutiya v 17 veke: (ocherki) [Yakutia in the 17th century: (essays)]. Eds by S. V. Baxrushin, S. A. Tokareva. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1953. (In Russian).

Zelenin D. K. *Tabu slov u narodov Vostochnoj Evropy` i Severnoj Azii* [Taboo of words among the peoples of Eastern Europe and North Asia]. Leningrad: Izdatel'stvo AN USSR Publ., 1929, vol. 2. (In Russian).

Submitted: 27.04.2023

Accepted: 01.09.2023

Article published: 30.12.2023